

О. А. КОМАРОВА & С. Б. СТЕПАНОВА

Синтаксические фразеологизмы русского языка и их перевод на норвежский язык

Синтаксические фразеологизмы (СФ) — конструкции, «в которых связи и отношения компонентов с точки зрения живых грамматических правил оказываются необъяснимыми» (РГ: 217) — не могут не вызывать трудностей у иностранцев, изучающих русский язык. Именно потому, что грамматические правила не могут объяснить отношений между компонентами этой структуры и основным предложением, они сложны и для понимания, и для перевода на родной язык. Синтаксические фразеологизмы обладают свойственными всякому фразеологизму устойчивостью структуры, невыводимостью ее значения из значения отдельных компонентов, повторяемостью. Вместе с тем им свойственно изменение грамматических показателей элементов (временных форм глагола, форм числа и падежа именных форм) в зависимости от контекста. В «Русской грамматике» описаны 30 синтаксических фразеологизмов с указанием их грамматических характеристик, однако там не проводится их семантической классификации. Характерной особенностью СФ является их экономичность, краткость и высокая экспрессивность по сравнению с другими языковыми средствами выражения тех же значений (Sjuvalova 1997:65).

Пособие, помогающее иностранным учащимся разобраться в значении того или иного СФ и овладеть навыками его употребления, всего одно — А. В. Величко «Синтаксическая фразеология» (М., 1996). Вместе с тем задолго до выхода этой книги в свет предпринимались переводы русской литературы, в том числе книг, насыщенных диалогами персонажей. А ведь именно для разговорного стиля речи характерно частое использование экспрессивно окрашенных СФ.

Представляется интересным посмотреть, насколько точно переводчики передают различные эмоциональные оттенки СФ, и, возможно, использовать их опыт перевода для рекомендаций учащимся.

В качестве материала для исследования были выбраны произведения русских писателей и их переводы на норвежский язык. Естественно, в материале обнаружилось различие в частоте употребления различных СФ. Некоторые из них встречались чаще (например, конструкция типа *Какой там театр!* в значении экспрессивного отрицания встретились 12 раз), некоторые — реже (например, конструкции типа *Ему бы только читать!* — 1 раз), некоторые не встретились ни разу. И хотя данная работа не претендует на статистически обоснованное исследование частотностей СФ, однако данные об их встречаемости могут быть полезны для преподавателей РКИ.

При описании материала мы будем придерживаться последовательности, предложенной А. В. Величко в соответствии с ее семантической классификацией СФ.

1. *Выражение оценки, характеристики.*

а) Конструкции, называемые А. В. Величко СФ недифференцированной оценки (Величко 1995:14), представлены в нашем материале большим количеством примеров. Прежде всего, это структуры с «*вот...*» — «*вот + сущ.!*»: «Но джем.. Вот райское купание!» (Пр 115) *Men syltetøy... Det var himmelsk mat, det!* (140) «Вот чудак!» (СС 62) *Snurrlig type!* (25); «*вот это + сущ.!*»: «Вот это личность!» (СС 51) *Det var sandelig noe til kar* (12), «Вот это парень! В восторге подумал пес.» (СС 65) *Litt av en kar! — tenkte hunden begeistret.* (39-30), «Вот это был стол!», «Вот это был праздник — сплошная обжираловка!» (Пр 163) *Ja, dette var virkelig en fest: det rene etegilde!* (198); «*вот так + сущ.!*»: «Вот так пес!» (СС 55) *Makan til bikkje!* (17); «*вот + сущ. + так + сущ.*»: «Мать честная, вот праздник так праздник!» (Пр 165) *Milde måne, det skulle bli fest, det!* (199). Во всех этих случаях имеет место экспрессивная оценка объекта, выраженного существительным. Контекст позволяет определить, является ли оценка, выраженная СФ, положительной или отрицательной.

Несколько иначе обстоит дело, когда в такой же структуре появляется глагол «*вот + гл.!*»: в следующем восклицании явственна отрицательная эмоция «Вот прицепился, гусь заграничный!» (ММ 14) *Der fikk du endelig blink, da, din utenlandske gås!* (17). Думается, сюда же можно отнести и такой пример: «Ну лысый обормот, наказал, так наказал!» (Пр 100) *Vel, den skallede slasken hadde straffet dem, virkelig straffet*

dem! (210). Хотя здесь нет объединяющей предыдущие примеры частицы «вот», она легко может быть восстановлена, добавлена, при этом значение лексически обусловленной, негативной в данном случае оценки останется.

Из контекста выводится значение негативной оценки СФ «Вот прицепился!», все остальные СФ выражают положительную оценку, причем предложения «Вот чудак!» и «Вот так пес!» дополнительно имеют значение удивления.

При переводе на норвежский эмоциональное значение, зачастую смешанное с некоторым удивлением, передается лексически при помощи слова, содержащего сему оценки, или при помощи устойчивых сочетаний с усилительным значением — *makn til, litt av, noe til*. В одном случае, как нам кажется, при перифразировании произошла утрата оценочной характеристики при сохраненной разговорной тональности реплики (структура с притяжательным местоимением: *din utenlandske gås*).

б) Конструкции с оборотом «что за...» могут являться вопросительными предложениями, означая вопрос о признаке, однако они свободно могут утрачивать вопросительное значение, приобретая значение экспрессивной оценки как положительной, так и отрицательной. Именно в различении чистого вопроса и оценочного восклицания и состоит главная трудность для иностранцев, если отсутствует восклицательный знак. Среди наших примеров есть случаи явного вопроса: «‘Что это за критик Латунский?’ — спросил Воланд» (ММ 271) *Kritikeren Latunskij, hva er det for en? spurte Woland (326)*, есть случаи явно оценочного характера: «Что за вздор! Какая бессмыслица!» (Акс 45) (негативная оценка) *Noe så fjollete! Noe så meningløst! (48)* «Старший лейтенант Сайко — ну что за душа у парня! — застенчиво предлагал бутылку кефира и булочку» (Акс 31) (позитивная оценка) *Løytnant Sajko — å, for et hjertegodt menneske! — bød forlegent på en flaske kefir og en bolle (32)*, а есть и СФ, в которых вопрос сочетается с оценкой и, прежде всего — с удивлением: «Что за одежда? Тебя кто так одел?» (Пр 75) *Hva er det for noen klær? Hvem er det som har satt på deg dem? (90)*.

При переводе чаще всего используется существующий в норвежском языке аналог вопроса с вопросительным словом и предлогом,

независимо от заключенной в русской фразе эмоции: «Николай Иванович, где вы? Что это за фантазии?» (ММ 317) Nikolaj Ivanovich hvor er De henne? Hva er dette her for galskaper? (459) — возмущение «Что за иностранец такой?! — в смятении воскликнула Маргарита, — и какой мне интерес идти к нему?» (ММ 184) Men hva er det for en utlending, da? utbrøt den forvirrede Margarita, — og hvilken interesse skulle jeg ha av å komme til ham? (265) — замешательство, «Что за Кавказ? Откуда он взялся?» (Пр 6) Hva for slags Kaukasus? Hvor var det kommet fra? (7) — недоумение.

в) Конструкцию типа «Ай да + сущ.!» А. В. Величко отличает по значению от вышеперечисленных и называет ее СФ положительной оценки (Величко 1995:15). В одном из наших примеров действительно выражается восторг обладательницы чудесного крема: «‘Ай да крем! Ай да крем!’ — закричала Маргарита, бросаясь в кресло» (ММ 187) Oi, for en krem! For en krem! ropte Margarita og deiset ned i en dyp stol (270). Однако два другие примера имеют скорее значение резко отрицательной оценки: «Аннушка перекрестилась и подумала: ‘Да, уж действительно квартирка номер пятьдесят! Недаром люди говорят! Ай да квартирка!’» (ММ 239) Annusjka korset seg og tenkte: "Ja, den leilighet nr. 50! Det er ikke for ingenting det går rykter!... Litt av en leilighet! (344), «Буфетчик... думал: ‘Ай да горничная у иностранца! Тьфу ты, пакость какая!’» (ММ 166) For en stuerike den utlendingen har! Fytterakkeren, noe så liderlig (238). Думается, этот СФ, также как предыдущие, можно классифицировать как СФ недифференцированной оценки, причем конкретное значение будет зависеть как от семантики существительного, так и от более широкого контекста. Нужно также обратить внимание на то, что в Русской грамматике об этой конструкции говорится как о СФ, для которого нехарактерно распространение (РГ:385), однако в нашем последнем примере распространение конструкции кажется вполне органичным.

В переводе оценочное эмоциональное значение передается или использованием выделительных оборотов «litt av...» (имеющего всегда отрицательное оценочное значение) или «for en...» (как со значением положительной, так и негативной оценки), а иногда и лексической перифразы, как это произошло при передаче мыслей буфетчика.

г) СФ негативной оценки представлены в нашем материале следующими конструкциями: «ах + ты (он) + сущ.»: «Ах ты подлец, — задумчиво сказал Воланд.» (ММ 209) Å, du din bengel! (301); «ох уж этот (эта, эти...) (мне) + сущ.»: «Ох уж эта Энанта! Ведь запретил же муж ходить к ней!» (ММ 252) Uff, denne Enantaen! Mannen din har jo forbudt deg å besøke henne! (364); «Уж эти шкилеты! Откуда такую шушеры привезли?!» (Пр 6) Usj, disse beinranglere! Hvor i all verden har du fått dette skrapet fra? (128); «Муж! — Шура уперла руки в бока. — Ох уж и муж!» (Акс 389) Mannen min! — Sjura plasserte hendene mot hoften. — Vel, sånn skal en mann være (94). Мы видим, что не все позиции конструкции заполнены в последних двух примерах — в предпоследнем нет междометия «ох», в последнем — местоимения «этот», но есть усиленное «и». Однако общее значение осуждения, неодобрительной оценки (в последнем примере — определенной доли иронии), а также возможность восстановить соответствующее междометие и местоимение позволяют нам посчитать эти примеры вариантами синтаксических фразеологизмов названного выше типа.

При переводе негативное значение русского фразеологизма передается чаще всего при помощи междометий, употребления определенного артикля с именем собственным «denne Enantaen» или указательного местоимения с определенным оценочным значением «din bengel», или устойчивых эмоционально окрашенных сочетаний.

д) Конструкция, включающая союз «как», соединяющий повторяющееся существительное в именительном падеже: «Все люди как люди, ходят по улицам, наслаждаются весенним солнцем...» (ММ 133) Alle andre spaserer nå ute i gatene og nyter vårsolen og varmen, men dere sitter rettopp og ned her i denne lumre salen! (190); «На него смотрело словесное лицо, лицо как лицо, похожее на любое человеческое лицо» (Акс 108) Fantomfjeset så på ham, et helt alminnelig ansikt som lignet ethvert menneskeansikt, og dermed også hans eget. (124); «Сашка спросил: Эти... Ну, трое — страшные? — Я и не поняла... Люди как люди.» (Пр 148) Det tenkte jeg ikke på... Som folk flest (179).

Эта конструкция выражает оценку как указание на соответствие норме, обычному (Величко 1995:18). На норвежский язык наши примеры переведены с использованием описательных средств передачи

значения СФ — это особенно четко видно на первом примере или примере «словесного лица». При сохранении плана фактического содержания утрачивается эмоциональная составляющая фразы. Об этом же говорит на материале немецких переводов этих структур С. А. Шувалова (Sjuvalova 1997:66).

2. Выражение согласия, принятия, утверждения, несогласия, возражения, отрицания

а) Конструкции, включающие повторяющееся существительное, соединенное связочным глаголом «есть», выражают согласие, вызванное одобрением, возможно — вынужденным принятием вещи, объекта, явления таким, каков он есть. По значению этот СФ стоит на стыке двух семантических групп — оценки и согласия. В нашем материале предложения с таким значением встретились в четырех несколько различающихся вариантах. Первый — описанный А. В. Величко и в Русской грамматике: «Но праздник есть праздник, согласились — терпи» (Пр 168) *Men fest var fest, så de bestemte seg for å holde ut* (204). Здесь значение именно вынужденности принятия каких — то негативных составляющих явления, так как принято все явление в целом, понимается из контекста. Второй пример — «Тряпье и есть тряпье — сказал, как отрезал.» (Пр. 78) *Filler er filler, sa han, det var alt han hadde å si om den saken* (94). Негативная оценка заключена в самом названии объекта: *тряпье* — старая, ветхая, некрасивая одежда. Союз «и» не изменяет общего значения СФ. В третьем примере добавление в стандартную конструкцию местоимения и союза усиливает утверждение, принятие объекта: «А вода, она и есть вода» (Пр. 90) *Men vann var jo bare vann* (110). В четвертом примере связочный глагол заменен наречием «всегда», что также усиливает значение постоянства положительных качеств объекта (о позитивной оценке мы узнаем из контекста): «Поршня, — любовно постанывал Потапыч, ..., — Поршня, она всегда поршня» (Акс 26) *Stemplings, vedble Potapysj kjærlig og strøk med fingrene en blank metallgjenstand i hendene på Potselujevskij, — Stemplings, det har det alltid hett* (27).

При переводе повтор существительного сохраняется, и тем самым передается общий характер подтверждения, но не сохраняются свойственные русской фразе вариации эмотивного значения.

б) СФ, строящийся по модели «инфинитив (сущ., прил., нар.) + так + инфинитив (сущ., прил., нар.)», причем свободный компонент повторяется, выражает согласие с ситуацией в целом или частным ее аспектом (Величко 1995:19): «Я ведьма и очень этим довольна! — Ну хорошо, — говорил мастер, — ведьма так ведьма. Очень славно и роскошно!» (ММ 294) *Det benekter jeg ikke, svarte Margarita, — jeg er en heks, og det liker jeg meget godt. — Så sier vi det, da, sa mesteren, — er du en heks, så får du vel være det. Flott! Ypperlig!* (425) — выражается полное согласие с предыдущей репликой, принятие «самоопределения» говорившей. Следующий пример: «Пить так пить, сказал котенок, когда несли его топить» (Пр 78) *Bånski, hva? Skal det drikkes, så skal det drikkes, sa katten, han skulle druknes* (93). В этой шуточной присказке котенку ничего не остается, как принять неприятнейшую для него ситуацию. И еще один пример: «Сейчас, сейчас, я вас с мужичками проведу до подсобки, а там уж рай так рай!» (Пр 20) *Bare et øyeblikk nå, så skal jeg følge dem og småkarene frem til gården, og der skal vi ha det som i himmelrik!* (244).

В переводе используется как близкая структура с модальным глаголом, передающая вынужденность принятия ситуации, так и описательные формы выражения подтверждения, что ситуация соответствует ожидаемой норме.

в) СФ со значением согласия, описываемый С. В. Величко, как имеющий структуру «(А) почему бы (и) не + инф. (сущ., прил., нар.)» с возможной заменой «почему бы» на «отчего бы» в таком виде нам не встретился ни разу (в «Русской грамматике» этот СФ предполагает такую же структуру). Однако в наших текстах есть несколько иные построения структуры, которые по своему значению также выражают согласие в сочетании с некоторым удивлением от заданного вопроса. Частица «бы» в наших примерах заменена на «же», что добавляет оттенок уверенности в согласии: «А разве можно? — А почему же нет! Телята как телята» (Пр 173) *Går det an, da? spurte Sasjka. — Hvorfor ikke? De er som kalver flest* (209). И если сочетание «отчего же» воспринимается как несколько устаревшее, книжное, то вариант «чего бы», наоборот, кажется просторечным, характерным для разговорной

речи. «А чего бы не попробовать!» (Пр 178) *Og hvorfor ikke prøve!* (215).

При переводе внешняя форма вопроса, вполне соответствующая разговорной интонации русского предложения чаще всего сохраняется, иногда дается описательное его представление.

г) В нашем материале встретилась структура, которая не описана ни А. В. Величко, ни в «Русской грамматике» как СФ, однако, на наш взгляд, по своим характеристикам она вполне может быть отнесена к СФ со значением согласия. Эта структура обладает такими свойствами СФ как утратой прямого значения частицы «не», воспроизводимостью структуры «а то + (имя) + не + (гл.)», постоянным значением — согласие со сказанным в предыдущей реплике с оттенком удивления, почему об этом сообщается. Возможные варианты: «А то мы не видели!», «А то я не слышал!», «А то брат не говорил об этом!» и т.п. в значении «Да, конечно, мы видели, я слышал, брат говорил уже об этом». В данном СФ имеется грубоватый, просторечный оттенок.

При переводе эмоциональный характер реплики передается не в полном объеме. «А то мы не знаем, — сказал Витасик» (Акс 102) *Som om jeg ikke visste det, brummet Vitasik* (116).

г) Чаще других в нашем материале встречалась конструкция типа (вопр. слово) + там (тут) + сущ.(гл., прил., нар.). Этот СФ выражает резкое, экспрессивное отрицание того, что названо свободным компонентом. Например, «...вы что, были у врача? — Какого там врача? Видали бы вы этого врача!» (ММ 172) *Lege, sier De? Ja, den legen skulle De nok likt å se!* (246) — отрицается сама возможность посещения врача из-за полного несоответствия какого-то субъекта этой профессии. Обращает на себя внимание то, что местоимение «какой» согласуется с существительным не только в числе и роде (как пишет А. В. Величко), но и в падеже. Падеж, в свою очередь, зависит от конструкции, предшествующей этому СФ.

Частица «уж», добавленная в этот СФ, вносит оттенок некоторого сожаления по поводу отсутствия отрицаемого объекта или явления: «Из ничего вышли, в ничего ушли. Какое уж там рождение! Господи!» (Пр 161) *Av intet var de kommet, til intet var de fart av sted. Hva*

har fødsel midt oppe i alt dette å gjøre? Herre Gud! (195); «Даже глаз открытъ сил не было. Какие уж тут хи-хи» (Пр 204) Selv det å åpne øynene orket han ikke. Og hva skulle han da med dette her hi-hi-et (247); «Это композитор?» Иван расстроился. — Какой там композитор? Ах, да, да нет!» (ММ 59) — Mener De komponisten? Ivan gav opp, — hva for en komponist? Å, jo... Nei, da! (84); «Как в Пушкине?!.. А телеграммы из Ялты?! — Какая там, к чёрту, Ялта! Напоил пушкинского телеграфиста, и начали оба безобразничать... (ММ 126) I Pusjkino? Like utenfor Moskva? Men telegrammene var jo fra Jalta?! — Fanden ta hele Jalta'en! (180).

Иногда происходит замена «там» на «тут» в случае, когда, как пишет А. В. Величко, «отрицание относится к плану настоящего или будущего» (Величко 1995:24) «Да не хотите ли закусить, Н. И.? — Я извиняюсь, — уже негодую заговорил Н. И., — какие тут закуски!» (ММ 80) De får ha meg unnskyldt, sa Nikanor Ivanovitsj, og nå var han ordentlig sint, — men her skal det ikke være noe mat! (115).

Вместе с тем иногда вполне возможна обратная замена, не влияющая на понимание времени происходящего (последний пример предыдущего абзаца или: «Нет, Маргарита права!... Какие тут к черту гипнотизеры!» (ММ 296) Nei, Margarita hadde rett!.. Til helvete med hypnotisørene! (428). «Какое там смеюсь! Я в полном отчаянии! — крикнул Ф.Ф.» (СС 63) Le, sier De! Jeg er dypt fortvilet! — ropte F.F. (26).

Интересен случай полного отсутствия свободного компонента — «чистое отрицание»: «Эх, был бы посвободней... Тоже махнул! Да где там!» (Пр 153) Akk ja, hadde jeg ikke vært så opptatt... Da hadde jeg også dratt min kos! Men hvordan skulle det gå! (184). Понимание того, что отрицается, мы получаем из предшествующего контекста. Показательно, что в большинстве случаев эта эмоциональность отрицания, свойственная русской фразе передается в переводе при помощи модальных конструкций.

д) Следующим СФ со значением отрицания А. В. Величко называет конструкцию типа «(вопросит. слово) + же + свободный компонент-инфинитив». В нашем материале в чистом виде встретился лишь один подобный СФ: «А я вас не знаю, — сухо сказала Маргарита. — Откуда ж вам меня знать!» (ММ 183) Men jeg kjenner ikke Dem, sa Margarita tørt.

Hvor i all verden skulle De kjenne meg fra? (262) — отрицание возможности знать говорящего. В переводе эмоциональность передана лексически — «i all verden».

Гораздо чаще употребляется структура с вопросительным словом «какой», где в качестве свободного компонента выступает не инфинитив: «Вы Н.И.Б., председатель домкома ! 32-бис по Садовой? — Я Никанор, конечно Никанор! Но какой же я к шуту председатель!» (ММ 131) Jeg er Nikanor, selvfølgelig er jeg Nikanor! Men formann, det er jeg da rokker ikke! (187) «... Какой же он может быть переводчик у иностранца!» (Б., стр. 131) Hva slags tolk kunne han være for utlendingen? (187). Мы полагаем, что и по значению, и по форме эти структуры относятся к одной группе.

В примерах типа «Какие уж мы вам товарищи! Где уж!» (СС 97) Hva slags kamerater skulle vi være! Langt ifra! (67) частица «уж» может быть заменена на частицу «там», и эти структуры могут быть отнесены к СФ типа «Какой там театр!».

При переводе используется форма чистого вопроса, эмоциональность передается несколько грубоватой формой вопросительного слова «hva slags».

е) Структура, начинающаяся со слов «мало ли», при обязательном следовании за ними местоименного слова, по А. В. Величко и по «Русской грамматике» выражает несогласие со мнением собеседника, возражение ему. Наши примеры заставляют нас отнести эту модель скорее к СФ оценки, характеристики: «Старайтесь поменьше думать о Понтии Пилате. Мало ли чего можно рассказать! Не всему же надо верить» (ММ 78) Anstreng ikke hodet Deres og forsøk å tenke minst mulig på Pontius Pilatus. Man hører jo så mye! (111) — отрицательное отношение к тому, что говорят о Понтии Пилате (= много глупостей говорят). «Как такую сволочь в цирк допускают? — Ну, мало ли кого туда допускают.» (СС 114) Og hvordan kan man slippe sånt krapyl inn på et sirkus? — Nå, det er jo litt av hvert som slipper inn der, — repliserte Filipp Filippovitsj (87) — здесь скорее выражается даже согласие с негативной характеристикой тех, кого пускают в цирк.

При переводе эмоциональность предложения усиливается частицей «jo».

ж) Частотной оказалась структура типа «(кому) + не до (чего)» со значением отрицания того, что названо именем в родительном падеже, из-за несвоевременности, неактуальности, нежелательности для лица, названного именем в дательном падеже. Субъект выражен не всегда, но всегда понятно из контекста, кому «не до чего»: «Но долго по поводу этой странности финдиректор не стал размышлять. Не до того было.» (ММ 126) *Men økonomidirektøren slapp å fundere så altfor lenge over disse merkverdighetene. Han fikk snart annet å tenke på* (180). Понятно, что размышлять некогда финдиректору. «Не до них! Свою голову надо спасать» (Пр 185) *Vi kan ikke tenke på dem! Nå gjelder det å berge livet!* (224) — «Ему» невозможно, нежелательно сейчас думать о детях. «В другие времена братья, может, тоже бы посмеялись, но сейчас им было не до смеха.» (Пр 75) *Under andre omstendigheter ville brødrene kanskje ha ledd selv, men nå var ikke akkurat latter det de tenkte på* (90); «Но сейчас ему было не до того, и кроме того...» (ММ 63) *Men nå hadde han ikke tanke for slikt, og hvor uoppmerksom Rjuchin ellers var, så...* (89); «Теперь Иуде ни до чего не было дела, он стремился к Гефсимановским воротам...» (ММ 255) *Nå var det bare en ting som stod i hodet på Juda — han hastet av sted mot Getsemane-porten* (367).

В переводе данное эмоциональное значение СФ передается лексически — перифразой, расшифровывающей скрытое значение фразеологизма.

Предложенная А. В. Величко классификация, как мы видели, допускает уточнения и дополнения в силу достаточно общего определения семантической характеристики выделенных в определенные группы фразеологизмов. Поэтому естественно, что довольно много структур остались за пределами указанных выше групп и обозначены у Величко как «выражающие другие значения». Обратимся к тем типам СФ, которым свойственны модальные значения, т.е. выражение говорящим своего отношения к целесообразности, необходимости, полезности того, о чем идет речь.

3. Выражение других значений с помощью СФ

а) Ярким примером такого синтаксического фразеологизма является структура «хоть + императив». Для иностранной аудитории трудность определения специального значения СФ состоит в ложном сходстве его с выражением желательности «Хоть бы он пришел!» и уступки «Хоть и устал, а работать надо». Значение данного СФ в том, что предлагается действие, которое может изменить зашедшую в тупик ситуацию к лучшему. Однако «называемый выход не обязательно будет принят, [...] действие останется лишь заявленным, но неосуществленным» (Величко 1995:30). В нашем материале: «Ох, как жрать-то охота! Хоть дверь грызи! Хоть землю мерзлую под порогом ешь!» (Пр 10) Å jeg har så lyst på å ete... Jeg skulle gjerne gnage døren! Jeg skulle gjerne spise den frosne jorden under terskelen (12); «Нельзя! Не пуцу! Хоть зарежьте!» (ММ 90) Nei! Jeg slipper Dem ikke inn! Ikke for mitt bare liv! (129). А. В. Величко условно называет эту структуру СФ со значением целесообразности.

В переводе передача этого значения буквально, с употреблением сослагательного наклонения, приводит на наш взгляд к несколько искусственному оттенку речи героев — излишней аффектированности, гораздо естественнее выглядит замена СФ на идиоматические выражения с соответствующим эмоциональным оттенком «ikke for mitt bare liv».

б) Значение ненужности выражает СФ типа: «не + инфинитив + же...» Например: «И главное, и поделать ничего нельзя было: не ругаться же с душевнобольными!» (ММ 59) Og verst av alt — han kunne ikke gjøre noe som helst: man innlater seg da ikke i trette med en sinnsyk! (83). Смысл этого предложения — не стоит, не надо ругаться, это бесполезно. И в переводе это значение передается открыто — лексическими средствами с использованием усилительной частицы для передачи эмоции.

в) Как СФ со значением необходимости описывает А. В. Величко структуру «кому + ли + не + (инфинитив)». Рассмотрим следующие примеры: «Ему ли не знать Степиного голоса!» (ММ 274) Jo da, det var Stjora som hadde snakket. Som om ikke han kjente Stjoras stemme! (128); «— Подковка действительно была золотая с бриллиантами? — Мне ли бриллиантов не знать! — Но дал-то он вам червонцы? — Мне ли чер-

вонцев не знать! — отвечала Аннушка» (ММ 274) — *Og hestekoен var virkelig av gull, med edelstener? spurte man henne.— Som om jeg ikke skulle ha greie på edelstener, svarte Annusjka. — Men han gav Dem altså tirublersedler, sier De? — Som om jeg ikke skulle ha greie på tirublersedler, svarte Annusjka (345).* Все три примера можно передать словами — уж кто-кто, а он (она) точно знает, т.е. знает лучше, чем кто-либо. На наш взгляд, значение такого СФ — скорее, акцентирование внимания на субъекте, чем выражение необходимости. И в переводе этот оттенок передается разговорным «som om...» плюс эмоциональное значение модального глагола.

г) Именно эта структура «(уж) (вопросит. слово), а...» реализована в предложении «...уж кто-кто, а вы должны знать, что ровно ничего из того, что описано в евангелии, не происходило на самом деле» (ММ 39) *Bevares, repliserte professoren... noen og enhver, og ganske særlig De, må vite at så godt som ingenting av det som står i evangeliene noensinne har hendt i virkeligheten (51),* и в варианте этого СФ с отрицанием и союзом «но»: «Уж кому-кому, но не вам это говорить» (ММ 111) *Det kan ikke være tilfelle! Han er jo ikke til! — Bevares! Det finnes nok de som sier det, men De burde vite bedre (160).* Структура служит для выделения лица, как самого подходящего (или самого неподходящего, как в нашем втором примере) для совершения действия. Употребление в переводе модальных глаголов при открытом указании на выделение субъекта из ряда других передает эмоциональный оттенок СФ. Это хорошо видно на следующем примере: «Нет, уж кого-кого, а тебя я не помилую, — с тихой ненавистью сказал Иван Николаевич.» (ММ 56) *Nei, skal jeg være snill, så blir det ikke mot deg, sa Ivan Nikolajevitsj (78).*

Проведенный нами анализ употребления и перевода разных типов СФ является, конечно, не полным, но дает возможность проследить как богатство выражаемых ими экспрессивных оттенков, так и разные способы передачи их в переводе. Наш материал позволяет также дополнить и уточнить семантическую классификацию СФ, предложенную в русской лингвистике, а также обратить внимание на некоторые аспекты их функционирования, существенные для работы в иностранной аудитории.

СОКРАЩЕНИЯ

Акс — В. Аксенов. *Поиски жанра*. Москва: Издательский Дом «Юность». 1995.

Vasilij Aksenov. *På jakt etter en genre*. Oslo: Aschehoug. 1983.

ММ — М. Булгаков. *Мастер и Маргарита*. Москва: Художественная литература. 1980.

Michail Bulgakov. *Mesteren og Margarita*. Oslo. Document forl. 1995.

СС — М. Булгаков. *Собачье сердце*. Москва: Художественная литература. 1989.

Michail Bulgakov. *Hundehjertet. En uhyrlig historie*. Oslo: Solum forl. 1996.

Пр — А. Приставкин. *Ночевала тучка золотая*. Москва: Советский писатель. 1988.

Anatolij Pristavkin. *Nattely for en gylden sky*. Oslo. Gyldendal. 1991.

ЛИТЕРАТУРА

РГ— Русская грамматика. Т. 2. М. 1980.

Величко А. В. Синтаксические фразеологизмы в русском языке. Москва 1995.

Sjuvalova S. A. Syntaktische Phrasemodeller im Russischen. *Etnische Konzepte und mentale Kulturen. 1. Auf der suche nach etnischen Konzepten in Wortschatz und Phraseologie*. Umeå 1997.

Summary: Syntactic Phraseological Structures in Russian and their Norwegian Translations

The notion of syntactic phraseological structures in Russian was introduced in the *Russian Grammar* of 1980. Here it is argued that certain syntactic structures (about 30) can be considered phraseological due to their compact and stable usage and to the fact that their specific semantic structure cannot be understood as a direct sum of the meanings of their components (e.g., *den' kak den'*, *emu ne do smecha*, *vse ljudi kak ljudi*). The semantics of these structures, however, has not been the subject of special studies. There exists only one book by A. B. Velichko, where an attempt at semantic classification has been made with a focus on the needs of a foreign student. As it turns out,

this classification is not detailed enough. The authors of this article suggest certain changes in Velichko's classification considering specific emotional colouring of some of these structures. The authors provide illustrative examples, the translations of which into Norwegian show that different devices render the emotional meanings of these structures. It can be concluded that in certain cases it is possible to use similar syntactic structures as in Russian, but in most cases it is necessary to find other expressive means (either lexical or syntactic).

E-mail: olga.komarova@hum.uit.no